

вторяемъ;—для насъ лишь, собственно читателей, требующихъ отъ искусства и художника одной лишь «пѣсни торжествующей любви», тому только и вѣрящихъ, что намъ пріятно говорится, что намъ нравится...

Но если это потеря для насъ, то мы не можемъ того же сказать про нашего автора: мы знаемъ благодѣтельность для него достигнутыхъ имъ самимъ конечныхъ результатовъ своего развитія, начатаго такимъ страшнымъ разладомъ его духовныхъ силъ и законченнаго примиреніемъ ихъ на почвѣ этически выбранной, сознательной дѣятельности. Мы и взялись говорить о благодѣтельности для него самого этихъ результатовъ, ибо для нашей цѣли было именно важно на немъ самомъ доказать возможность такого развитія, которое допускаетъ все-таки сохраненіе или, лучше, новое приобретене той самой «гармоніи» и цѣльности духовныхъ отправления личності, которыя были ею утрачены при выходѣ изъ естественной непосредственности, и доказать это,— замѣтите,— ставя себѣ идеаль нашъ *вперед* насъ, а не позады, ставя себѣ, какъ цѣль, достиженіе той высшей гармоніи, къ которой намъ *должно* еще приблизиться, а не той низшей, отъ которой мы отклонились при началѣ развитія нашего, и которая, въ этомъ смыслѣ допускаетъ лишь самую условную идеализацію, — поскольку лишь она выражаетъ собою случайный прообразъ той высшей, которую мы должны еще завоевать себѣ, поскольку эта низшая гармонія количественно выражаетъ недостающую еще намъ ступень въ развитіи при поступательномъ движеніи нашемъ immer vorwärts. *)

*) Ссылаясь на выводы нѣмецкой философіи, можно даже доказать, что въ этомъ страстномъ отношеніи (какое, напр., проявляетъ гр. Толстой), въ этой зависти къ первобытнымъ свойствамъ цѣльности, гармоніи, непосредственности, простоты и т. п.—есть нѣчто *необходимое*, даже и законное, и именно потому, что, въ процессъ развитія нашего, эти первобытныя свойства, будучи, съ одной стороны, *низшею* формою человѣческаго развитія — съ другой, по